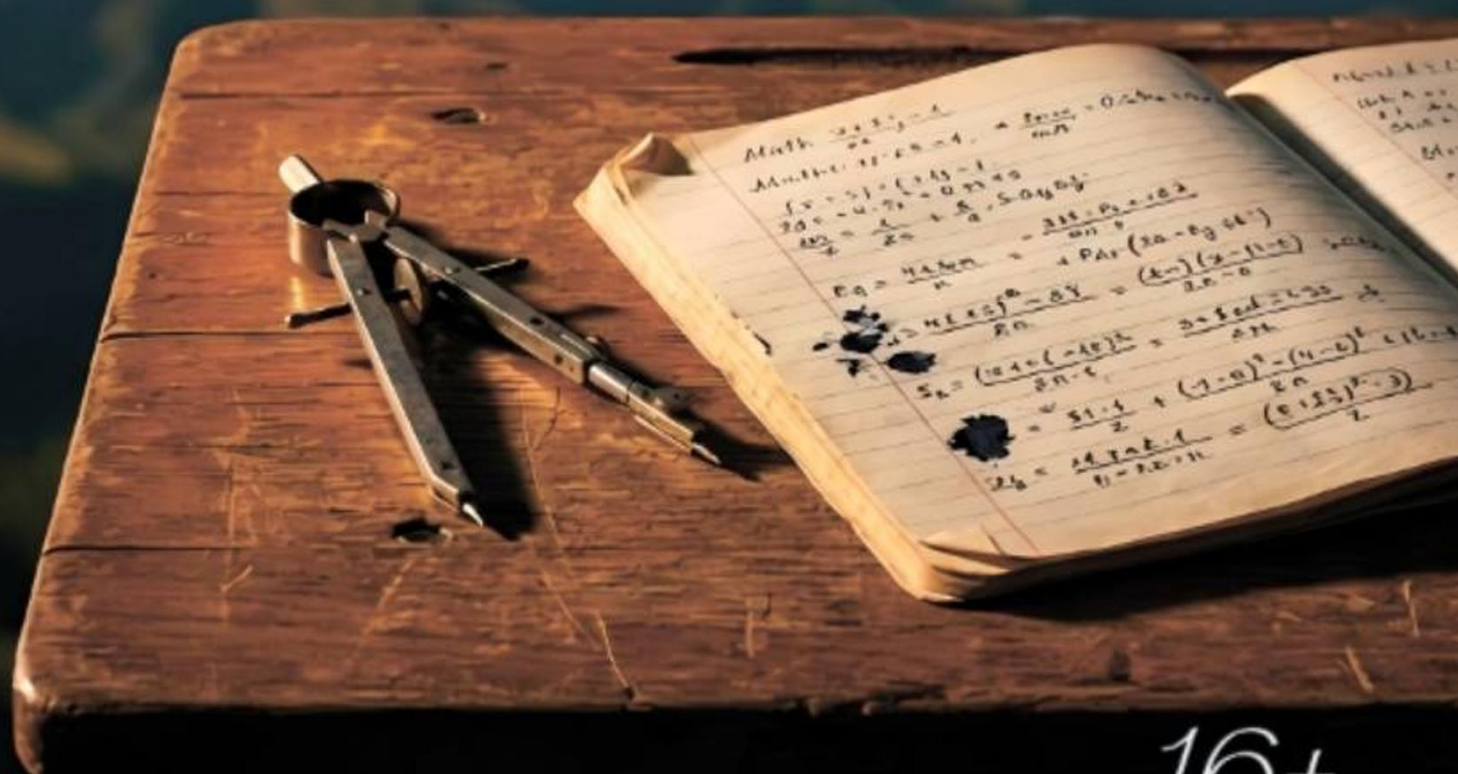

Алина Федорова

Математичка ЦИРКУЛЬ потеряла

16+

Алина Федорова

Математичка циркуль потеряла

«Автор»

2026

Федорова А.

Математичка циркуль потеряла / А. Федорова — «Автор», 2026

«В школе выживает сильнейший. И далеко не всегда это ученик» Что происходит, когда молодой идеалист с «синдромом отличницы» сталкивается с суровой реальностью государственной системы? Как не потерять себя среди бесконечных отчетов, родительских чатов и жесткого выгорания? Этот роман в жанре автофикшен представляет собой честную и откровенную хронику жизни молодого преподавателя математики в современной столичной школе. Автор без прикрас описывает изнанку образовательной системы, кулуарные интриги, психологическое давление со стороны администрации и сложные взаимоотношения с родительскими комитетами. Это глубокая, драматичная и одновременно ироничная история о крушении юношеских иллюзий, борьбе с бюрократическим прессингом, поиске своего истинного призвания и защите личных границ. «Математичка циркуль потеряла» — это книга-манифест, книга-утешение и предельно честный взгляд на тех, кому мы доверяем наше будущее.

© Федорова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
1. Я – буря, искра и огонь	6
2. Ты просто не видишь детей	8
3. Любимая дочь Бога и внутренний хаос	11
4. Собеседования и пустой кабинет 210	14
5. Сладкое королевство, из которого хочется бежать	18
6. Мой двадцать второй день рождения	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алина Федорова

Математичка циркуль потеряла

Дисклеймер

Все персонажи, имена, локации, номера учебных заведений и события, описанные в данной книге, являются художественным вымыслом автора. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), преподавателями, учениками, их родителями, а также существующими государственными или частными школами абсолютно случайны и не преследуют цели кого-либо оскорбить или задеть чью-то деловую репутацию. Повествование ведётся в жанре художественного автофикшена и представляет собой собирательный образ современной системы образования.

1. Я – буря, искра и огонь

24.08.2025

Честно говоря, первую книгу про школьную жизнь, детей и уроки я хотела начать как-нибудь иначе. Но вместе с тем я дала себе обещание, что буду описывать каждый свой день в новой школе, писать свои мысли, идеи, случаи, а там, глядишь, что и получится интересное. И сейчас по-хорошему бы рассказать, чью книгу вы держите в руках и кто я вообще такая, но разрешите мне, пожалуйста, сначала высказаться.

Меня разъедает недовольство! Это просто возмутительно! Частная школа, где родители платят по миллиону в год, столица нашей страны, а КТП, будь оно проклято, учитель составляет вручную! Вручную! Если с информатикой, которая проходит раз в неделю, я ещё могу как-то справиться, то мысли о математике, которая насчитывается как сто семьдесят часов в год у пятого класса, просто выводят меня из себя. Слёзы текут ручьём, и я не понимаю: это мне так сложно даётся и я одна так сильно переживаю или у всех существует эта проблема?! Невыносимо. Невыносимо. Невыносимо. Просто ужасно!

Я сделала список дат, когда проходит урок, с помощью ИИ, но и он тормозит вместе со мной. Вставляю эту информацию в ворд-табличку, а оно, как ни считай, всё равно выдаёт лишнюю дату! Короче, пусть Илона сама едет на свой «Запуск Года» в главную компанию сети этих школ, потому что мне нужно до 1 сентября сделать все эти дурацкие КТП.

Фух, вроде легче. Пойду съем чего-нибудь и лягу спать. Завтра понедельник, 25 августа. Ещё немного – и начнётся один из весёлых этапов моей жизни.

Нет, вы, кстати, не думайте, что я зануда. Это просто так совпало.

Первое сентября отгремело в нашей маленькой частной школе. Отгремело, оставив в мышцах дикуую усталость, ведь всё лето мы всем коллективом пахали здесь как заправские разнорабочие. Сами упаковывали коробки, таскали тяжести, до одурения намывали новые кабинеты после строителей и лично прикручивали ножки к партам. Кое-где по углам ещё сиротливо прятались недоделки, но праздник всё-таки состоялся. Всё прошло подозрительно спокойно, так что самое время познакомиться.

Меня зовут Алина Сергеевна, мне двадцать один год, и я – учитель математики в этой маленькой частной столичной школе.

О том, как именно меня сюда занесло, я расскажу чуть позже. А прямо сейчас мне до слёз хочется выговориться о том, что по-настоящему полоснуло меня по самолюбию на праздничной линейке. Природа наградила меня миловидной, почти детской внешностью: миниатюрная, худенькая – с первого взгляда ни за что не поймёшь, что перед тобой строгий педагог, а не заблудившаяся старшекласница. И мамочки в дорогих брендовых костюмах, приведшие своих чад в «школу для избранных», считывали это мгновенно.

Я кожей чувствовала их оценивающие, полные тотального недоверия взгляды. Стоя у школьного крыльца, я краем уха поймала показательный диалог, который одна из родительниц вела с нашей Дарьей, даже не пытаясь понизить голос:

– Дарья, скажите, а кто наш новый учитель по математике? Надеюсь, в этом году нам нашли опытного специалиста?

– Вон та девушка, – Дарья вежливо указала в мою сторону.

Мамочка окинула меня высокомерным взглядом с ног до головы, брезгливо поджав губы:

– Ого... Это шутка? Она же совсем молоденькая. Чему эта девочка может научить моего ребёнка? Мы вообще-то деньги платим за образование, а не за студенческую практику.

– Да-да, Алина Сергеевна молода, но, поверьте, она очень сильный, принципиальный педагог, не переживайте, – попыталась сгладить углы Дарья.

Дарья – наш школьный администратор и по совместительству просто прекрасный человек. К ней можно подойти абсолютно с любой бедой, и она решит её за две минуты. В педсоставе её обожают. Ей сорок три года, но из-за того, что она всю жизнь крутится среди детей (хоть по образованию и экономист), выглядит Дарья невероятно свежо, ухоженно и красиво. Больше тридцати ей ни за что не дашь.

Окончательно иллюзии о «семейном формате» разбились, когда после линейки меня перехватила лично директор Илона. Она подошла вплотную, пристально посмотрела на меня и тихо, с нажимом произнесла:

– Алина, с вами очень хотела пообщаться мама Паши из четвёртого класса. Ей безумно важна математика, поэтому поговорите с ней максимально серьёзно. Пожалуйста, особо перед ней не улыбайтесь. Напустите на себя строгости. Скажите, что будете лично держать связь по каждому пустяку и что по любому вопросу к вам можно обратиться напрямую.

Я сглотнула ком, поправила пиджак и пошла навстречу первому в моей жизни родительскому пренебрежению. Директор была права: улыбаться здесь точно не стоило. Сама Илона, директор школы, создавала ощущение женщины невероятно утончённой и интеллигентной. Высокая, худощавая, с аккуратной короткой стрижкой и русыми волосами, она, как бывший учитель английского, профессионально держала на лице неизменную приветливую улыбку. Но эта безупречная маска иногда давала трещину. Её муж был полной противоположностью своей изысканной супруги, и, видимо, под его влиянием Илона периодически могла жёстко, по-простецки высказаться или напрочь позабыть о манерах. Тем не менее учителя, проработавшие с ней не один год, искренне её любили, хоть и не упускали повода сочно посплетничать за её спиной. Когда я пошла к себе в кабинет, эта мама уже меня поджидала.

– Вы знаете, у нашего Паши есть способности к математике, я сама очень любила в школе математику, поэтому нам не хотелось бы терять лидирующие позиции в этом направлении. Раньше был педагог Тамара, она очень опытная, взрослая, нам это нравилось.

Я её, конечно, твёрдо заверила, что всё будет хорошо, но сейчас, спустя пару часов после окончания этого торжества, внутри остался мерзкий, липкий осадок. Как-то невыносимо неприятно на душе. Меня ещё даже в деле никто не видел, а на меня уже заочно навешивают ярлыки бестолкового, ничего не умеющего молодого учителя.

Но эти люди просто ещё не знают, что я – буря, искра и огонь! Они понятия не имеют, что я люблю математику и педагогику больше всего на свете. Они не знают, через какой личный ад я прошла ради своей мечты: ради поступления в педагогический вуз я умудрилась досрочно окончить колледж, одновременно вкалывая на работе и параллельно, на чистом автопилоте, заучивая до тошноты варианты ЕГЭ по ночам, чтобы везде всё успеть. Я так отчаянно рвалась к этой цели. Мне панически казалось, что времени катастрофически мало, что я не успеваю... В итоге в свои двадцать лет я уже всюю работала учителем в государственной школе, сразу после этого – преподавателем в колледже, а сейчас – попала в эту элитную частную школу. Я выжала из себя все соки, и теперь я действительно самый молодой специалист в этом взрослом, устоявшемся коллективе. И вся эта моя титаническая пахота, все мои бессонные ночи и личные победы мгновенно обесценились парочкой мимолётных, пренебрежительных реплик двух богатых родительниц о том, что я «вот эта молоденькая». Наотмашь, просто ниже пояса.

Разочаровалась. И очень расстроилась. Пойду поплачу немного в туалете, пока никто не видит, возьму себя в руки и вернусь. Слёзы слезами, а адское КТП по математике на сто семьдесят часов за меня само себя не допишет.

2. Ты просто не видишь детей

24.09.2025

Давно я тут не появлялась. Хочется столько всего рассказать. Но у меня почему-то получается так, что начинаю писать я тогда, когда эмоции, мысли и чувства настолько переполняют меня, что деть их некуда и некому, кроме этого документика. Документик, кстати, пока что назван «Один годик», потому что именно столько я буду работать в этой школе. Или не буду, не знаю, не очень, честно говоря, хочется.

Обо всём по порядку. Я уже как три недели учитель математики и информатики в маленькой частной школе. И поначалу у меня, конечно, были сомнения разного рода, но я старалась их выгонять из головы и продолжать работать. Однако всё складывается так, что продолжать работать я больше не хочу. Сегодня у меня было шесть уроков, одно бесполезное совещание, час кружка по финансовой грамотности. После пришла домой и тридцать минут смотрела на себя в зеркало, а потом ещё тридцать сидела у двери, не снимая пальто. Вместо блестящих глаз я видела грустный и поникший взгляд.

«Да что же у неё случилось, ей-богу?» – наверное, так звучит в вашей голове, и, наверное, я и сама буду перечитывать эти строки спустя время с таким же вопросом, но сейчас я разбита.

Всё началось неделю назад, когда завуч пришла ко мне на урок, чтобы посмотреть, как я его веду. Это была математика у 2 «М» – класса, мягко говоря, не отличающегося выдающимися знаниями и способностями. Тамара устроилась на задней парте и что-то увлечённо, без остановки записывала в свой блокнотик, пока я усердно лавировала между партами от одного оболтуса к другому, пытаясь на пальцах объяснить им элементарное сложение однозначных чисел. Едва прозвенел звонок, завуч молниеносно скрылась за дверью, оставив меня ещё на полдня в мучительных рассуждениях: ну как в итоге-то я провела урок? Всё ли правильно сделала?

При первой же встрече в коридоре я не выдержала:

– Тамара, ну насколько всё плохо? – спросила я с улыбкой, ожидая скорее какого-то комментария про самих детей и их поведение, чем про себя. В своей-то методике я была уверена на все сто процентов.

От Тамары, женщины преклонного возраста, глубоко за шестьдесят, всегда веяло тем самым классическим, уютным академическим спокойствием, которое редко встретишь в современных коммерческих школах. Она казалась удивительно доброй и обладала редким даром – с первого взгляда почти безошибочно считывала характер любого ребёнка и мгновенно улавливала малейшие перемены в настроении класса. Но в тот момент её доброта обернулась для меня холодным душем.

– Ты не видишь детей, Алина. Это твоя главная ошибка, – спокойно произнесла она, глядя на меня поверх очков. – Не делай из них взрослых, это не средняя школа, это малыши. Им надо разжёвывать каждый шаг, водить за ручку.

Дальше я её уже почти не слышала. Пыталась на автомате совсем немного поспорить, привести какие-то аргументы, но всё это было уже абсолютно неважно, потому что в самое сердце, наотмашь меня поразила её первая фраза.

Я. Не вижу. Детей.

Я. Не вижу. Детей.

Эти четыре слова со свистом пробили мою броню и зациклились в голове безумным, издевательским эхом. Я не вижу детей?! Я, чёрт возьми, пять лет своей жизни отдала без остатка только на то, чтобы научиться их видеть! Я годами на износ совмещала дневную учёбу в колледже, изматывающее репетиторство, работу и подготовку к ЕГЭ по ночам. Я сдавала сессии в полуобморочном состоянии, чтобы утром снова топтать на работу к этим самым детям. И

всё это, оказывается, было для того, чтобы по итогу умудрённый опытом завуч буднично швырнула мне в лицо: «Ты их не видишь»?! Внутри меня всё клокотало от злой, жгучей несправедливости.

На следующий день я сильно заболела, отпросилась у Илоны и отправилась к врачу. Следующие четыре дня я провела дома с заложенным носом, больным горлом и отвратительным слабым состоянием в теле. Психосоматика? Возможно. Мне было плохо, и я понимала, что причина не столько в «гипертрофическом рините», как было написано в карточке лором, а совсем в другом: я не принимаю эту школу, и тело кричит об этом.

Мой рабочий кабинет по плану архитектора, кажется, изначально задумывался как крошечная кладовка. Пространства катастрофически не хватало. Всю эту «каморку» занимали один открытый стеллаж, жутко неудобный компьютерный стол, за которым у меня вечно затекала спина, и моя главная гордость – массивный шкаф с надёжным замком, который я успела выбить себе ещё во время летнего ремонта. В этом тесном мирке мне и стоило выживать.

Насморк ещё остался, но три дня я уже успела отработать. Точнее сказать, отвоевать. Отвоевать, что хоть я и учитель в частной школе, но я учитель. Бог дёрнул меня поставить двойку ученику, который отвратительно вёл себя на уроке. Тут же пришла мама этого спингрыза, и мне провели воспитательную беседу в кабинете директора, чтобы я больше так не делала.

Я больше не могу. Мне тяжело. Завтра пойду к Елене – психологу, пусть лечит меня. Я периодически пользовалась её советами типа: «Ну ты же не сто долларов, чтобы все тебя любили, и не мороженое, чтобы все тебя облизывали. Отпусти ситуацию, успокойся!»

Но всецело и полностью в этом приторном омуте меня спасал только мой коллега Дмитрий, школьный тьютор. В журнале он значился как Дима, но я всегда звала его уважительно и солидно – Дмитрий. Мы познакомились ещё в летнем лагере при этой школе, когда она ютилась в старом здании. «И что этот лысый мужик тут вообще делает?» – подумала я, когда впервые увидела его на стажировочном дне. Но мы отлично сработались, хоть и не без мелких творческих стычек. Он был невероятно лёгок на подъём и обладал просто потрясающим чувством юмора. Настолько потрясающим, что на переменах мы могли до колик просмеяться, напроочь забыв обсудить что-то действительно стоящее по работе.

По понедельникам у меня было окно на пятом уроке, а Дмитрий в это время как раз только приходил на смену. Я буквально караулила его у калитки. Мы перелезали через дорожные насыпи и вместе бежали в ближайший «Магнит» за стаканчиком кофе и шоколадкой. Этот углеводный набор вприкуску со свежими школьными сплетнями и едкими шутками казался мне лучшей, самой живой частью дня. Многие учителя за глаза считали нас парой, но мы ею никогда не были и не собирались. Нас связывал чистый, безупречный ментальный симбиоз – мы просто идеально подходили друг другу как коллеги.

Новое здание нашей частной школы выросло буквально на наших глазах. Ещё летом, когда мы с Дмитрием работали вожатыми в старом корпусе, этот двухэтажный дворец с мансардой и изящным балконом только-только поднимался из руин. В августе балкон ещё жалобно поскрипывал под ногами и был завален строительным мусором – мы тайком сбегали туда с Димой посреди дня: он курил, а я просто стояла рядом, ловя лицом тёплый воздух и наслаждаясь этими редкими минутами нашей маленькой перезагрузки. Внутри школа сияла белизной, хотя идеальный лоск наводился уже на ходу – мебель и учебные материалы Илона закупала прямо в процессе учебного года.

И этот хрупкий мир рухнул в один день. Кабинет директора. Ледяной голос Илоны:

– Дмитрий, мне на почту пришло анонимное сообщение о том, что вы проявляете излишний, нездоровый интерес к девочкам в своём классе. Я не собираюсь устраивать разбирательства и подставлять репутацию школы, поэтому вынуждена с вами попрощаться. Прямо сейчас.

Дмитрий уволился через пару месяцев после начала учебного года, собрал вещи и оставил меня в этих стенах в абсолютном, звенящем одиночестве. Мне больше никому было мимоходом пожаловаться на завуча, не перед кем было излить душу. Осталась только Елена. Наш школьный психолог.

Таких миловидных, мягких и вкрадчивых женщин я всегда подсознательно любила. И почему-то именно им я с потрохами открывалась, теряя всякую бдительность. Сначала мы откровенничали где-то на бегу в коридоре, делясь усталостью. Потом я плакала у неё на плече перед общим собранием, исповедуясь в своих сомнениях. А потом эти миловидные, понимающие психологи идут и слово в слово доносят твои минутные слабости руководству. Очень скоро по косым взглядам Илоны я чётко поняла: директор в курсе всех моих мыслей. Она уже прекрасно осознавала, что ментально я этой школе больше не принадлежу. Что я уйду. Точно так же, как ушёл Дмитрий.

Параллельно с работой я готовилась к экзамену, который дал бы мне право работать в государственной школе. Ближе к декабрю я сдала его на экспертный уровень, и абсолютно любая городская государственная школа была для меня уже полностью открытой. Нужно было только решиться.

С Дмитрием мы часто созванивались, и он рассказывал мне о новой работе, где смог сполна себя проявить. То сообщение, о котором говорил директор, скорее всего, было придуманным, чтобы избавиться от неуютного сотрудника в коллективе. Спустя время там действительно остались только те, кто готов отказаться от своего мнения ради зарплаты, причём не такой уж и большой.

3. Любимая дочь Бога и внутренний хаос

04.12.2025

Москву постепенно окутывала наступающая зима, хотя от настоящей зимы здесь было одно название. Трава на газонах упрямо оставалась зелёной, с неба занудно кропил мелкий дождь, и лишь изредка падал робкий белый снежок. Касаясь серой, грязной городской слякоти, он тут же таял и превращался в воду.

– Какао ноль три, пожалуйста, и безе с малиной, – я зашла в дорогую кондитерскую «Скалка», чтобы хоть как-то закинуться углеводами после несостоявшейся тренировки в зале напротив.

Сил не было. Вообще никаких. Жить, если честно, тоже не особо хотелось. Тягучая депрессия медленно заполняла всё пространство вокруг. И всё же где-то глубоко внутри меня, на самом дне, продолжало теплиться твёрдое, упрямое знание: всё обязательно сложится наилучшим для меня образом. Прорвёмся.

– Ты – любимая дочь Бога, помни об этом! – как заведённая твердила мне по телефону мама. Она у меня женщина очень необычная, яркая, интересная и красивая. Ну, как я, короче.

Сегодня любимая дочь Бога – то есть я – позорно проспала до двенадцати часов дня. В квартире царил жуткий, неопиcуемый бардак. Этот бытовой беспорядок идеально отражал тот внутренний хаос, который планомерно назревал во мне весь последний месяц. Мне до тошноты не нравилась моя работа. Та самая работа, на которую я с такими амбициями пришла в сентябре.

Маленькая частная школа привлекала клиентов своим «семейным» форматом. Начиная от улыбчивого администратора на ресепшене и заканчивая дизайнерскими стульями в классах, эта экосистема буквально кричала: «Мы семья! У нас можно всё! Учиться в общем-то необязательно, а двойки – это пережиток прошлого. Приводите к нам своих неспособных детей – и мы без лишнего напряжения сделаем из них успешных миллионеров!»

Я иронизирую? Ничуть. Это чистая правда.

Вчера я окончательно решила, что буду увольняться. Вечером я пересматривала в телефоне фото и видео с этой забавной школьной малышнёй и малодушно думала: «Может, я погорячилась? Может, стоило потерпеть и найти какой-то другой способ разругать эти вечные конфликты с родителями и учениками?»

Тоска и сожаление не покидали меня весь следующий день. Ровно до тех пор, пока экран моего телефона не взорвался от уведомлений в WhatsApp. Господи, дай мне сил больше никогда в жизни не давать свой личный номер телефона ни одной гиперопекающей мамаше!

«Алина, добрый день! Почему у нас опять двойка?» – высветилось на экране.

Это была наша местная тревожная мама. Как и многие здесь, она наотрез отказывалась принимать тот факт, что её сыну диагностировали аутизм, и мальчику в первую очередь нужны лечение и специализированная помощь. Но признать болезнь ребёнка страшно, поэтому гораздо проще и удобнее было пойти войной на молодую училку.

«Добрый день, – максимально сухо отстукала я по клавишам. – Ваш сын сегодня вообще не писал классную работу».

«Ну, наверное, на это есть объективные причины! До этого же он как-то писал!»

«Нет. И до этого он тоже ничего не писал».

«Когда с Вами можно встретиться лично в школе для разбора ситуации?»

Я заблокировала телефон и перевернула его экраном вниз. Ничего не ответила. У меня просто не осталось внутренних ресурсов встречаться с очередной, уже шестой по счёту мамой,

которая требовала рисовать её ребёнку отличные оценки по этой несчастной математике без малейших усилий с его стороны.

Тяжело мне. Невыносимо тяжело.

Я металась из стороны в сторону и никак не могла найти своё место под солнцем. При этом я чётко, на уровне интуиции знала: моё истинное призвание – учить. Это факт. Осталось только понять: где, кого и, главное, как.

Что ж, методом исключения действовать всегда проще. Это точно не начальная школа, точно не дети со сложными диагнозами и уж точно не частный коммерческий сектор, где учитель просто обслуга. Отлично, базовые ориентиры намечены, отталкиваться от противного уже легче.

Видя меня – бледную, выжатую и еле живую, – Илона и Дарья не могли не вмешаться. Наш финальный разговор в кабинете директора лишил меня последних иллюзий.

– Алина, я же вижу, как вам тяжело, – Илона говорила спокойно, размеренно, глядя на меня со смесью жалости и профессиональной строгости. – Вы дали мне обещание доработать до конца учебного года и сейчас всеми силами пытаетесь его сдержать. Но я же не тиран, я не могу приковать вас цепями к батарее.

К моим глазам мгновенно подкатили горячие, жгучие слёзы. В голове набатом забились только одна позорная мысль: «Не справилась. Сломалась».

– Давайте поступим так, – мягко закончила директор. – Вы спокойно дорабатываете до конца декабря, закрываете четверть, а я пока подыщу вам замену. Да и у вас самой будет время окончательно определиться со следующим местом работы.

В списке желаний я написала: *«Господи, если Ты есть, дай мне знак, силы, время и ресурсы на то, чтобы найти своё место»*.

Господи, кажется, точно есть, ибо в течение нескольких дней решился вопрос с увольнением: осталось доработать до 29 декабря, всего каких-то четыре недели.

В прошлом году я мечтала работать в колледже, и ничего, что тогда мне было всего двадцать один. Однако тогда немного не сложилось и по итогу не получилось.

Сейчас у меня всё ещё есть такое желание, я хочу мощного рывка в своей профессиональной карьере. Колледжи, в отличие от школ, не выставляют объявления о поиске педагогов на каких-нибудь сайтах, типа «Хэчэру». К ним нужен особенный подход, а я именно та, что этот подход и найду.

Начну с простых расчётов: всего в Москве 353 колледжа, если «Яндекс.Карты» меня не обманывают, а значит, у меня есть 353 попытки устроиться в один из них. Да, опыта у меня немного, регалий каких-то нет, но у меня есть то, чего нет у огромного количества кандидатов: вера в себя и свои силы, даже если их, как сейчас, нет.

Не знаю как, но я смогу. Я обещаю себе работать там, где меня ждут новые вызовы, новые деньги, новые горизонты и всё то, что сделает меня лучше как профессионала, как личность, как девушку. И книгу эту, кстати, я тоже хочу выпустить. Вы её читаете? Значит, у меня получилось.

Время 17:42, сегодня только 4 декабря, а мне всего лишь двадцать один годик. Какао было вкусное, безе – шикарное, а вокруг меня – весь мир, и мне остаётся только захватить его своими маленькими ручками.

Московские школы предлагают одну работу круче другой.

– Какие у вас классы?

– Седьмой и восьмой.

– Я хочу восьмой и девятый.

– Алина Сергеевна, приходите, пожалуйста, мы видели ваш экспертный уровень за городской экзамен и готовы обсудить все варианты, чтобы вам было удобно!

И так заканчивался каждый телефонный звонок. Работать в московской школе было моей огромной мечтой. Точнее, целью прошлого года. Но как только я получила сертификат городского экзамена на экспертный уровень, то это желание стало меньше, как будто получение сертификата уже приравнялось к опыту в школе. Тем не менее я хочу развиваться в студенческой атмосфере какого-нибудь не математического профиля. Мне кажется, там мне будет и комфортно, и удобно. А в школу можно вернуться уже в абсолютно любом возрасте.

4. Собеседования и пустой кабинет 210

11.12.2025

Мама всегда говорила, что Боженька меня точно любит. И сегодня я окончательно в этом убедилась. На дворе середина декабря, мёртвый сезон для педагогических вакансий, а у меня в календаре – целых три собеседования за один день! Охота началась сразу по всем фронтам: на удалённую работу автором методических разработок в онлайн-школу, преподавателем математики в колледж и учителем в государственную школу.

Первый раунд – онлайн-собеседование на позицию методиста – прошёл на удивление комфортно и легко. Я без запинки, уверенно разложила по полочкам свой опыт. Руководитель филиала буквально расцвела, когда узнала, что я уже занималась записью видеокурсов. В итоге мы расстались на самой тёплой ноте, и уже через час на мою почту упали три тестовых задания. Пустяки, думаю, расщёлкаю их за один вечер.

А вот онлайн-встреча с колледжем оказалась странной, смазанной и слишком быстрой. Меня как будто вообще не слушали. Собеседование в «Зуме» вёл молодой парень – Артур Денисович, какой-то там заместитель какого-то важного отдела. Он постоянно косился на часы, то и дело демонстративно выключал звук микрофона и увлечённо перешёптывался с кем-то, кто сидел по ту сторону его экрана. Такое поведение обычно говорит только о двух вещах. Версия первая, оптимистическая: я понравилась ему с первого взгляда, и эта встреча была нужна чистой формальности ради – убедиться, что перед ним реальная, живая девушка, которая опрятно выглядит и умеет связно говорить. Версия вторая, суровая: я не понравилась ему с первой же секунды, и тратить на меня своё драгоценное время замдиректора посчитал излишним. И всё же этот Артур, намеренно или нет, умудрился дважды закинуть мне крючок в душу. Сначала он буднично обронил, что им в штат нужно сразу два математика, а затем добавил, что преподаватели в их колледже получают самую высокую зарплату по всей Москве. Мой внутренний калькулятор мгновенно защёлкал цифрами. Учитывая, что сам колледж находится всего в полчаса езды от моего дома на автобусе, я очень надеялась, что верна именно первая версия. И что впереди меня ждут следующие этапы знакомства с их высшим руководством.

Но расслаживаться и гадать было некогда. Время поджимало. Третье собеседование – в государственной школе – должно было начаться с минуты на минуту. Она находилась буквально через дорогу от моего дома, нужно было только перебежать шоссе. Я понятия не имела, какие параллели мне там предложат, но тайне очень надеялась на восьмые и девятые классы. Самый сочный возраст. И идеальный шанс для меня самой – окончательно закрепить и подтянуть свои собственные знания перед серьёзным стартом.

Но, как выяснилось чуть позже, все эти московские школы и колледжи интересовали меня далеко не так сильно, как совсем новый, ошеломляющий вызов. Посреди этого сумасшедшего дня мне на почту упало официальное письмо: «Министерство просвещения Российской Федерации хочет с Вами связаться».

Офигеть. Министерство! Мне?

Я не успела прийти в себя, как раздался телефонный звонок. Приятный голос в трубке сообщил, что в России успешно действует международная программа «Зарубежный учитель», и прямо сейчас министерству экстренно требуются преподаватели математики в Узбекистан. Нагрузка – всего восемнадцать часов в неделю, то есть ровно в два раза меньше, чем каторжные тридцать три часа в любой среднестатистической российской школе. Школа и дети полностью русскоязычные, знание узбекского языка не требуется. И главное – финансовая сторона: зарплата выплачивается напрямую из России, в рублях и на российскую карту. Сто двадцать тысяч на руки, плюс полностью оплачиваемое и предоставляемое государством жильё.

Им настолько сильно и срочно был нужен математик, что они были готовы купить мне авиабилет буквально на завтрашнее утро. Онлайн-собеседование прошло молниеносно. Мне подробно рассказали про местность, заверили, что безопасность гарантирована на высшем уровне, бояться абсолютно нечего, а министерство круглосуточно курирует своих педагогов. Да и сам проект существовал уже далеко не первый год.

Господи, да это же не работа, это какая-то хрустальная мечта!

У меня были знакомые, приехавшие из Узбекистана, и я, едва сдерживая эмоции, тут же позвонила им, чтобы поделиться этой невероятной новостью. Назвала районы, в которые меня приглашали, и по-детски наивно уточнила: «Ребят, а как там вообще? Магазины-то хоть есть?»

Знакомые узбеки дружно посмеялись над моей столичной простотой, но затем их тон резко стал серьёзным.

– Слушай, Алина, даже не рыпайся, – отрезали они. – Оставайся в своей Москве. С твоей яркой внешностью и характером ты там просто не выживешь. Мусульманский уклад жизни, чужой менталитет – это совсем не твоё, ты не сможешь там работать.

В их голосах было столько искреннего беспокойства, что я решила им довериться. Накативший страх перевесил романтику Азии, и я со вздохом нажала кнопку «отклонить» на министерском предложении. Но где-то глубоко внутри, на самой периферии сознания, настойчиво зудела странная мысль: «Я там ещё окажусь. Я обязательно туда приеду».

Впрочем, на всё воля Божья. Пусть всё сложится именно так, как будет лучше для меня, для моего личного роста и внутреннего развития.

Ещё татуировку хочу набить, кстати. Ладно, времени в обрез, убегая на третье собеседование через дорогу!

12.12.2025

Только сейчас заметила, какая интересная дата. Короче, вчерашнее собеседование в гос-школе прошло хорошо. Директор, мужчина полный, основательный, строгий и с чувством юмора. Что-то было в нём, похожее на меня, или во мне, похожее на него. Рядом была методист, диспетчер расписания. Тоже тётя взрослая и приятная. Школа московская, рейтинговая, а люди простые, совсем нет никакого московского пафоса, и это, конечно, меня подкупило.

Мне предложили пятый и седьмой классы. Мысль меня расстроила, поэтому сильно много вопросов я не задавала, а вот сегодня, пораскинув, поняла, что не спросила важное:

1. Кто непосредственно мой руководитель, если школа разделена на два корпуса и я буду работать в другом?

2. Будет ли у меня долгожданный свой кабинет и есть ли в нём принтер?

3. Есть ли учительская?

Ольга Николаевна, не менее приятная тётя, которая была со мной на связи, быстро среагировала и дала номер куратора корпуса, в котором я буду работать.

На телефоне есть такая приложуха, называется «Пинтерест». Она часто присылает разные пуш-уведомления типа: «Алина, это похоже на то, что Вы искали» – и всякого рода прочие рассылки. Сегодня, когда я подходила к школе, «Пинтерест» отправил: «Алина, это Вам подходит». Обалдеть. Ну это точно знак судьбы.

В самом корпусе меня встретила Лидия Андреевна – куратор здания. Женщина как на подбор, само очарование, с какой-то особенной, тёплой, истинно русской красотой. Она повела меня на второй этаж показывать кабинет номер двести десять, по дороге увлечённо рассказывая о школе – это был скорее её монолог, который я слушала, затаив дыхание.

Но как только ключ повернулся в замке и я переступила порог, все посторонние мысли испарились. Меня с первого взгляда покорили эти огромные пустые шкафы, чистые доски и просторные полки. Моё воображение мгновенно, за долю секунды, заполнило их яркими дет-

скими работами, аккуратными стопками моих распечаток и учебников. Внутренним взором я уже отчётливо видела саму себя, уверенно и спокойно ходящую здесь между рядами парт.

Это место было моим. До последнего сантиметра.

– Ну вот, всё в вашем полном распоряжении! – Лидия Андреевна радушно обвела руками комнату. – Смотрите, мы вам сюда даже новенькую электронную доску повесили. Ни у кого в корпусе ещё такой нет! Я поэтому за двести десятым кабинетом очень строго слежу и чужих учителей сюда уроки проводить ни за что не пускаю. Так что обустраивайтесь.

Господи, спасибо тебе. Как же долго, как мучительно долго я ждала этих простых слов!

Пока мы спускались обратно к вестибюлю, Лидия Андреевна коротко вводила меня в курс дела, рассказывала про будущие классы и обещала, что при любых конфликтах классные руководители расшибутся, но помогут. Да и вообще, уверяла она, обстановка в коллективе у нас исключительно хорошая, семейная.

Мы уже подходили к турникетам на выход, как вдруг из коридора с оглушительным визгом вылетела маленькая девочка. Она на полном ходу пулей подлетела ко мне и намертво вцепилась в мою куртку с криками:

– Алина! Алина пришла!

Я от неожиданности и подкатившего к горлу комка на секунду напрочь забыла её имя. Но лицо... лицо я узнала мгновенно. Это был мой любимый, забавный «детёныш» из того самого летнего лагеря Илоны, где мы с Дмитрием пахали вожатыми. Она прижималась ко мне так искренне, будто я была её старшей сестрой.

– Ну вот, посмотрите, – Лидия Андреевна мягко и тепло рассмеялась, глядя на нашу сцену объятий. – Это точно знак судьбы, Алина Сергеевна. Эта школа вас ждала.

Когда куратор здания Лидия Андреевна буднично бросила: «Кабинет номер двести десять будет вашим», внутри меня всё перевернулось от счастья. Я шла по коридору, а в голове набатом стучало воспоминание годичной давности. Мой личный кошмар из прошлой жизни.

Ровно год назад я работала в государственном лицее в Подмоскowie. Когда я только пришла туда, выяснилось, что свободного кабинета для меня – учителя с дикой нагрузкой в тридцать часов – просто нет. И я кочевала. Каждый день превращался в бесконечные цыганские скитания: я переходила из класса в класс, таская в руках горы тетрадей, раздутый пенал и тяжёлые учебники. Личные вещи мне милостиво разрешили оставлять у завхоза Кости. Кабинетом его рабочее место назвать не повернулся бы язык – это был захламлённый склад всякого школьного барахла, среди которого для меня выделили ровно один квадратный метр. Костя был мужиком компанейским, вечно пребывал в благостном настроении, и соседство с ним не напрягало, но я до зубовного скрежета хотела свой собственный угол.

И вот через месяц этого симбиоза с завхозом один из педагогов уволился.

– Алина Сергеевна, освободившийся кабинет будет вашим! Можете обживать, – объявила директриса.

Я за заветные ключи ухватилась как за спасательный круг. Все выходные я провела в школе: ринулась его намыывать, очищать и выгребать вековую пыль. Я вымыла там абсолютно всё, кроме, разве что, потолков. Вынесла тонны мусора и чужого хлама, лишь бы наконец обновить свои позорные скитания с коробками в руках. К понедельнику администрация составила новое расписание.

Я открыла его и онемела. У меня, у учителя с тридцатью часами нагрузки, в этом вылизанном мной кабинете стояло всего... три урока в неделю.

Это не было плевром в лицо. Это был плевок на каждый сантиметр моего лица – с огромной силой, чувством и смачным причавкиванием.

– Алина Сергеевна, кабинет просто шикарный! Вы такая молодец, что убрались там! – пропела завуч, встретив меня в коридоре.

– Спасибо, я-то молодец, – ответила я, чувствуя, как к горлу подкатывает удушливый ком, а к глазам – горячие слёзы. – А почему у меня в моём же кабинете всего три урока?

– Понимаете, Алина Сергеевна, всё исключительно ради детей, – приторно-вежливым тоном объяснила она. – Им будет слишком сложно привыкнуть к другому кабинету. Так что лучше вы к ним подходите, вам же не трудно?

Детям, оказывается, будет психологически трудно пройти лишние три метра из сто седьмого кабинета в сто шестой, чёрт бы их побрал! Я тогда проглотила эту обиду, смирилась со вселенской несправедливостью и продолжила пахать. Но финал этой истории добил меня окончательно: через неделю в лицей устроилась новая учительница математики. Ей с порога отдали мой отмытый кабинет, и она сидела там безвылазно с утра до обеда, все шесть уроков каждый день.

Ещё один плевок? Нет, это была уже прицельная струя. Именно поэтому сейчас, когда московский кабинет номер двести десять был безоговорочно обещан мне, я едва сдерживала торжествующий крик. Идя обратно к метро, я уже подсознательно понимала, что приняла главное решение, хотя внутри ещё боялась признаться себе в этом. На радостях я даже зашла в торговый центр и купила букет белых хризантем и свежий меренговый рулет, хотя официального повода для праздника не было. Не было ровно до тех пор, пока я на пять минут не остановилась посреди шумной улицы и не послушала саму себя: я откажусь от всех остальных вакансий. Я остаюсь здесь.

Внутри разлилось удивительное тепло. Казалось, что все управленцы этой новой школы невидимо праздновали эту пятницу вместе со мной.

5. Сладкое королевство, из которого хочется бежать

15.12.2025

После урока во втором классе жить не хочется совсем. Два придурка – извините, но у меня не осталось цензурных слов, я назову всё своими именами – совершенно отстают в развитии. При этом никакого реального воздействия на них со стороны школы нет. Мы просто создаём видимость и не делаем ровным счётом ничего, чтобы хоть как-то изменить эту типовую ситуацию.

Признаться честно, я уйду из этой школы именно из-за них. Сил моих больше нет терпеть это педагогическое безобразие. Я провела у них всего второй урок, впереди маячат ещё четыре, а я уже полностью выжата, у меня ноль ресурсов. Всё, что я сейчас чувствую, – это дикое, первобытное желание крушить, прибивать и уничтожать. Особенно тех свято верящих в уникальность своих чад мамаш, которые напрочь отказываются заниматься воспитанием собственных детей.

Не хочу. Ненавижу. Не хочу работать здесь ещё эти проклятые две недели отработки. Невыносимо тяжело.

Может, это какой-то глобальный урок свыше? Но в чём он? Пока мне кажется, что вся эта история была нужна лишь для одного – научить меня наконец-то слушать себя и своё собственное сердце. Ведь ещё в августе, когда я принимала решение остаться в этих стенах, я сомневалась до дрожи в коленях. Внутренний голос кричал: «Беги!», но я его заглушила. По старой памяти я тогда бросилась за помощью к Елене, нашему школьному психологу – женщине взрослой, мягкой и умудрённой жизненным опытом.

– Елена, я больше не могу, – помню, как в конце августа сидела в её кабинете, и слёзы катились по щекам упрямым ручьём. – Мне так тяжело даётся это решение. Я панически боюсь, что просто не впишусь в эту школу со своим дурацким характером. Я ведь жёсткая, требовательная, строгая. Я совсем не похожа на остальных учителей, которые здесь работают!

Елена долго и внимательно смотрела на меня, а потом тепло, по-матерински улыбнулась:

– А мне, знаете, Алина, что кажется? Вы просто привыкли всю жизнь и везде бороться. Пробивать стены лбом, доказывать свою ценность. А здесь воевать не нужно. В этой школе вас искренне принимают абсолютно все: от директора до повара на кухне. Вот вам и непривычно. Настолько дико и странно находиться в безопасности, что вы подсознательно ищите любые псевдопричины, лишь бы сбежать. В любой государственной школе от вас первым делом потребуют экспертный сертификат, а здесь никто даже не спросил, на каком курсе вуза вы учитесь. Вас здесь просто любят. Оставайтесь. Позвольте себе расслабиться и проживите это светлое детство ещё раз вместе с ними.

Я тогда послушалась её. Поверила. И в итоге прожила не детство, а ускоренный курс ментального самоуничтожения.

От такой обезоруживающей правды я, помнится, растрогалась ещё сильнее. И, подавшись эмоциям, приняла окончательное решение остаться в этой маленькой частной школе.

Объективно говоря, условия здесь казались просто сказочными: отличная зарплата, легальная возможность брать щедрое репетиторство прямо на месте, всего четыре рабочих дня в неделю и крошечные классы по восемь-десять человек. Красота? Абсолютная! Но, как выяснилось, совершенно не для меня. Спустя четыре месяца я была готова бежать отсюда без оглядки. Это место оказалось каким-то приторным, сладким королевством, где лично я слишком быстро и до тошноты наелась дешёвыми конфетами. Не моё это, не моё место. Нужно было с самого начала слушать свой внутренний голос! Жаль, конечно, что в момент принятия правильного жизненного решения вокруг тебя не рассыпается разноцветное конфетти и не приходит сказочный гномик с праздничным тортом. Настоящее, верное решение всегда рождается

через дикую боль, через удушающие сомнения, и только много позже наступает долгожданное облегчение.

Я вовсе не выбираю место, где нужно круглосуточно бороться и выживать, как уверяла меня психолог Елена. Вовсе нет. Я просто такой человек, которому жизненно необходимы новые достижения, вызовы, хорошие деньги и постоянное, бешеное движение вперёд. А такие тихие, благополучные болота созданы для совсем других девушек – мягких, бесконфликтных, готовых плыть по течению.

А я – другая. Не знаю, хорошо это или плохо, но мне с моей настоящей сутью – такой огненной, жаждущей и амбициозной – всегда было максимально комфортно. И когда под давлением этого сонного царства моя привычная жёсткая оболочка начинала размягчаться, когда даже в теле вместо привычных упругих мышц появлялась какая-то вялая припухлость, мне становилось физически плохо. Моя искра требовала кислорода, а здесь её пытались задушить подушками.

Мои мрачные размышления бесцеремонно прервала директор. Подойдя ко мне, Илона заговорила вкрадчивым, шипящим голосом Василиска:

– Алина, я вас очень, просто по-человечески прошу: в эти оставшиеся две недели отработки не ставьте никому двойки. Мама Паши меня уже до печёнок достала, это просто невыносимо. Забейте вы на него, ради бога!

Я глубоко вздохнула, пытаясь удержать остатки самообладания.

– Я вас поняла, ладно. Но конкретно сегодня этот мальчик совал себе остро заточенные карандаши и ручки в нос, в рот и в уши. Я весь урок сидела как на пороховой бочке – панически боялась, что он себе что-нибудь проткнёт, а в тюрьму в итоге отправлюсь я. Пришлось отобрать у него всю канцелярию. Разумеется, за весь час у него в тетради не написано ни единого слова, классная работа отсутствует. Отсюда и закономерная оценка «два». А второго, его верного соратника и друга по интеллекту, мне и вовсе пришлось выставить в коридор, потому что он разносил кабинет.

Илона даже не дослушала. Нацепив на лицо маску безразличия, она продолжила лихо-радочно строчить очередное оправдательное сообщение в телефоне, униженно отчитываясь перед мамой этого малолетнего бандита. К нашей беседе лениво подключилась местная нейрорпсихолог, которая за всё время своей работы в школе, как мне казалось, не прописала ни одного реального рабочего инструмента для коррекции таких детей. Одно бла-бла-бла. И вдруг в этот самый момент мне стало чисто по-человечески, до боли жалко Илону. Она ведь красивая, ухоженная женщина, ей нет ещё и пятидесяти. Но эта вечная, свинцовая усталость и колоссальная ответственность за бизнес, за лояльность богатых родителей, за зарплаты учителей и за собственную семью отражались на её лице преждевременными глубокими морщинами. В секунду мне искренне захотелось ей помочь, как-то облегчить этот груз... Но я тут же одёрнула себя. Я не была той, кто имел на это силы, а главное – желание. В конечном итоге Илона сама загнала себя в эту ловушку. Это она набирает в штат бестолковых, бесхребетных учителей, которые готовы со всем соглашаться, и это она ежедневно пляшет перед избалованными детьми на задних лапках: «Ну они же ещё такие маленькие! Попробуйте их больше хвалить! Вот если сегодня он написал целых два слова против одного вчерашнего, то хвалите!» Похвалим, конечно. Обязательно похвалим за два слова вместо одного. А то, что остальные сорок четыре минуты урока парень откровенно страдал фигнёй, срывал занятия, – это что, нормально? Это ничего? Это не важно?! Меня до зубовного скрежета раздражало это лицемерное, потребительское отношение к детям. Я кожей чувствовала, что мы делаем им только хуже, развращаем их этим фальшивым сюсюканьем и калечим их будущее. Но я была одна. И я не могла доказать эту очевидную правду всему коллективу во главе с директором, для которого комфорт кошельков родителей был важнее реальных знаний.

Впереди меня ждала обычная контрольная работа в моём пятом классе, состоящем всего из двух учеников – Киры и Матвея. Накануне увольнения мне было до слёз грустно оставлять их. В сентябре эта парочка вселяла в меня первобытный страх и ужас, а сейчас их притихшие лица казались уже по-настоящему родными.

История нашего знакомства началась ещё в жарком августе. На первое родительское собрание пришли две мамы – мама Киры и мама Матвея. Я робко озвучила основные организационные моменты: как пройдёт первое сентября, какие тетради купить и сколько сантиметров отступать от полей. Но на один вопрос я тогда ответить не смогла.

– Я внимательно изучила программу, и у меня возник резонный вопрос, – ледяным тоном начала мама Киры. – Почему в начальной школе дети занимались по углублённой математике, а в средней вы предлагаете им какую-то примитивную базу? Я считаю, что нам жизненно необходимо брать учебник Гейдмана!

Она говорила напористо, едва ли не брызжа слюной от возмущения. Женщина она была весьма эффектная, с яркой, хищной внешностью, а потому каждое её слово тяжёлым снарядом врезалось в мой ещё неокрепший авторитет. Я попыталась защищаться:

– Понимаете, сейчас вся Россия переходит на единую федеральную программу, и это здорово. Если ваш ребёнок когда-нибудь перейдёт в другую школу в любом городе страны, у него не случится потери знаний или других неприятных сюрпризов. Это официальная политика российского образования.

– Это невозможно! – отмахнулась она, будто от назойливой мухи. – Мой ребёнок на этой вашей базе будет просто тупеть! Если вы не дадите нам углублёнку, я намерена забирать документы из этой школы!

– Вы знаете, мой сын тоже учится очень хорошо, – тут же робко подала голос мама Матвея. – И я бы тоже хотела для него исключительно углублённого изучения предмета.

О том, что мне достался класс «вундеркиндов» и будущих нобелевских лауреатов, я узнала именно в тот вечер. И лишь чуть позже суровая объективная реальность показала, насколько ложные родительские амбиции были далеки от настоящих способностей их детей.

Мама Киры, судя по всему, просто не нашла своей реализации в профессии. В описании её аккаунта в Сети гордо светилось нечто вроде: «Психолог, арканолог, таролог, сексолог» – и ещё десяток заумных слов на «-лог». Ей, видимо, очень хотелось компенсировать личные нестыковки за счёт дочери и вылепить из неё гения. Но совпадало ли это с желанием и возможностями самой Киры? Конечно, нет.

Мы потом долго и упорно искали с администрацией хоть какие-нибудь методички, на обложках которых красовалось бы амбициозное название «Математика для юных гениев. 5-й класс», но ничего подобного в природе не существовало. В итоге мы с директором Илоной приняли компромиссное решение: Кира будет получать индивидуальные задания повышенной сложности, но только в том случае, если текущий материал по обычному базовому учебнику она будет щёлкать на круглые пятёрки.

Спойлер: за все месяцы моей работы этого не случилось ни разу. Средний балл «гениальной» Киры с огромным трудом дотягивал до слабой четвёрки.

Что касается Матвея, то выяснилось, что он страдает от аутизма. Конечно, никакой справки не было и помощи психиатра Матвей не получал. Мама была убеждена: её сын здоров. Только сын мучился от тиков, настолько сильных, что он мог упасть, если его так называемый «ритуал» начнётся в пути. Прежде чем взяться за какое-то дело, ему нужно было постучать себя по правой ноге правой рукой, приложить щёку к левому плечу, коснуться себя на лице, издать странный звук движущейся машинки, и только потом, может быть, он что-нибудь решит или скажет. Грустно, очень грустно.

С одной стороны, это очень милый, симпатичный и открытый парень, с другой стороны, помощи ему Боженька или мама с лечением, ему было бы гораздо проще. В нашем же случае он был активен только на одном уроке – второй или третий проходили относительно успешно. На всех остальных уроках внимания от Матвея добивались только окна, стены и потолок. Учителя же были бессильны. Притом Матвей гораздо умнее Киры.

Когда мы увиделись втроём на 1 сентября, у нас случились самые странные выражения лиц: моё угасающее вдохновение, отвращение Киры и полное непонимание Матвея, где он находится. Кире, дочке очень самоуверенной и прокачанной маме, было крайне некомфортно, что в нашем классе только их двое, поэтому мы начали ей врать с первых минут:

– Не переживай, у нас есть ещё одна девочка, которая планирует приехать из другой страны в конце месяца и будет учиться с нами.

– Мама, ты слышала? Будет ещё одна девочка!

Но никакой девочки из другой страны, конечно, не было и не ожидалось.

Кира очень часто болела, из пяти учебных недель в одном модуле её не было около двух: простуды, ангины и прочие прелести. Ежу понятно, что это типичное отторжение организма той обстановки, где она находилась. Конечно, со временем Кира подружилась с несколькими девочками из классов помладше и даже смогла завязать какую-то дружбу, но большую-то часть времени она проводила на уроках с Андреем в нашем малюсеньком кабинете, пять метров длиной и два шириной.

Долгое время я не питала к ним какого-то особого интереса, и меня даже преследовало чувство вины, будто я не делаю всего возможного для них, что должна. Но при этом я, в общем-то, по политике этой школы, ничего и не должна была делать особенного: здесь не было лишних бумажных дел, не нужно было заполнять какую-то отчётность и прочую ерунду.

Это как в песне: «Просто будь».

Некую привязанность я стала чувствовать в начале декабря, когда у нас было задание сделать адвент-календарь своими руками. Мы были первыми, кто из всех классов его в принципе сделал, причём вместе и своими руками. Теперь любая похвала нашему изобретению была символом того, что мы команда.

Кира, ранее меня вообще не воспринимавшая как учителя, стала разговаривать, чем-то делиться. А были случаи, когда она просто уходила домой, меня не предупредив: зачем? Если я для неё никто. Грустно, что я оставляю её именно в момент, когда что-то стало налаживаться. Но пусть так. Значит, там кому-то, в обычной государственной школе, я нужнее, чем здесь, раз судьба или сам Господь Бог ведёт меня туда.

Проспала утром: тело было таким мягким, будто потеряло все кости или растворилось под одеялом. Вставать не хотелось и идти на работу тоже не хотелось. Уговорила себя только через кофе и купленный завтрак, но кофе был отвратительным, а завтрак – не самым сытным.

Тело – наш верный друг и помощник, особенно когда других помощников и друзей нет. Оно точно подсказывает, твоё это место или нет, твой человек или ты тратишь время. Всё подсказывает.

Летом, когда я стала работать в этой школе вожатой, у меня начался жуткий насморк. Я сморкалась, как индийский слон, громко, долго и часто. Это было отвратительно. Периодически нос воспалялся, лицо опухало, спать и есть было невозможно до слёз. В один из таких дней, что хотелось выброситься в окно, я пошла к лору в частную клинику. Он назначил мне МРТ, рентген, сделал эндоскопию – всё чисто, как у здорового человека.

Я думала, что это аллергия на пыльцу, но зимой проблема не ушла, и противоаллергические препараты не помогали. Решение подсказала мама:

– Я тебе говорила, не надо идти к этой малышне. Ты перекрыла себе кислород, ты дышишь не своим воздухом, вот отсюда и проблема.

Мама, конечно, была права. Мне действительно было тесно в такой маленькой школе, с этими бестолковыми проблемами типа «нельзя ставить плохих оценок» и прочей ерунды. Моя личность не развивается здесь, а только тошно влачит своё существование, отсчитывая дни до 30 декабря – последнего дня работы. С директрисой у нас был уговор на то, чтобы я продолжала вести свои два кружка и после увольнения, я согласилась, а сейчас чувствую: зря. Уходить – так сжигая мосты, не возвращаясь.

– Да, да, я поговорю с ней, вот она как раз пришла.

Илона с кем-то говорила по телефону с не самым довольным лицом.

– Алина, что у вас с Молчановой из второго класса?

– Ничего, вчера тройку получила.

– Опять тройка? – в разговор встряла Дарья, администратор и вторая рука Илоны.

– Да в смысле опять? Она вчера пришла, я вызвала её к доске – и вот тройка. Первая, получается.

Я оправдывалась и чувствовала, как плинтус вдоль кабинета имеет гораздо больше ценности и достоинства, чем я как учитель.

– Папа утверждает, что вы не просто поставили тройку, а спросили: «Яна, сколько двоек тебе поставить?» Илона сверлила меня пустым и уставшим взглядом. С утра у неё уже было несколько разборок с учениками из-за драки.

– Ну да, я её так поругала.

– Ну и зачем?

Я действительно не знала, зачем я так сказала. Но Молчанова – девочка очень заторможенная, мы с ней и индивидуально уже занимались, а она никак не поймёт, что слова в краткой записи при оформлении задачи пишут с заглавной буквы, что ставятся стрелки и что надо смотреть в памятку и ещё немножко думать головой. Получается, что её бестолковость пошатнула мой профессионализм, но в наличии последнего я сомневалась уже каждый день. Я уже не чувствовала себя учителем, в миг стёрлись воспоминания об успехах моих учеников, о высоких баллах на экзаменах, о поступлении в вузы, хорошие отзывы от родителей и довольные лица учеников – всего этого как будто не было. Я чувствую себя ничуть не лучше, чем эта бестолковая Молчанова.

– Уф, ладно! Я никому не буду ставить тройки и двойки в эти две недели! Обещаю!

С недовольством я ушла из кабинета, в котором тщетно пыталась напечатать пару листочков: принтеры в нашей школе никогда не работали, но это, словно магия вне Хогвартса, замечала только я. Остальных неработающие принтеры не напрягали. Вечером я написала докладную: «Довожу до Вашего сведения, что ученик 2-го класса Воронов Павел в учебное время систематически демонстрирует небезопасное поведение: засовывает карандаши (а также иные письменные принадлежности) в ротовую полость, носовые ходы и уши». Ещё четырнадцать дней. Обалдеть, это же чрезвычайно много. Я даже не жду так сильно свой день рождения, в который подвожу итоги года и в который загадываю цели на будущее, сколько жду дня, когда уйду отсюда бесповоротно. И всё же какие уроки я должна вынести отсюда ещё? Пока не понимаю.

Доработать. Доработать. Дотянуть. Ещё немного. Невыносимо тяжело. Просто невыносимо.

На первом уроке я расплакалась. Воронов снова сходил с ума, я объясняю тему, и этот маленький моральный урод, прости, Боже, за такие слова, не замолкает, продолжает показывать что-то и рисовать в учебнике члены. Да, мужские члены. Я пошла вниз за психологом, его не оказалось, был директор.

– Выйди из класса! Ты отстранён сегодня от уроков!

Да ему вообще до чёрта, отстранён он или нет. Всё-таки детей нужно бить, так, кажется, ещё в Библии было написано. Будет больно – поймут, что так делать нельзя. Рефлекс вырабатывается, как у собаки Павлова.

Последние две недели я выгляжу очень некрасиво: сильные синие синяки под глазами, серая кожа и блеклые волосы. Если провести рукой по волосам, можно собрать волосы для парика какой-нибудь куклы, причём не одной. Я понимаю, что это последствия моих тяжёлых месяцев: учёба, экзамен и работа с нездоровыми детьми. Надеюсь, что на январских праздниках я выдохну и на новой работе буду выглядеть хорошо, свежо и ярко.

Неплохо было бы поехать ещё куда-нибудь. А сегодня отправлюсь на массаж, в зал и после – в парилку. Сниму с себя весь этот ненужный воз.

А ещё хочу на свидания, но школьным учительницам такая роскошь особо не прилагается. Вчера собирала посылку бабушке в магазине, увидела большие тапочки, а потом отложила их обратно: не то.

– Что, передумали? – взрослый высокий мужчина обращался ко мне с улыбкой.

– Да, как будто не совсем то.

– А вам бы они подошли! Хотя вы и без них сегодня выглядите очень хорошо!

– Спасибо, – я рассмеялась от таких порывов в обычном «Фикс-прайсе» рядом с носками и тапочками.

– А давайте я вам куплю носки! Будете дома в них ходить.

Я выбрала забавные красные гольфы, и через пять минут Валерий, как он представился, уже протягивал мне их с улыбкой в руках. Предложил попить кофе, но я отказалась.

Зато я отправилась в дорогущую «Скалку», а перед этим – на массаж. Меня промяли так, что я больше не злилась на Воронова. Ну, дурак и дурак, что с него взять. Или с того же четвёртого класса: если не дано в семье воспитание, то я не потяну и подавно такую ношу.

6. Мой двадцать второй день рождения

29.12.2025

Давно меня не было. Сейчас поделюсь, таки-и-и-е новости! В «Телеграме» появилось уведомление: «Алина, Алла, Ксения и Анна в 14:00 на собрание. Придёт мама Паши из 4-го класса – Ксения». Ну вот, опять разборки. Хорошо, что меня это в общем формате не коснётся, я побуду так, для массовки.

– Илона, почему вы меня не предупредили, что будут все педагоги?

– Ксения, вы хотели получить объективную обратную связь по вашему сыну, поэтому я собрала всех педагогов, не понимаю, что не так?

Ну, короче говоря, Ксения качала бочку и раз десять прозвучало: «Мой сын! Мой сын! Я верю своему сыну! А вот мой сын!» – и что-то там в оправдание мерзкого поступка Паши. Кажется, он бросал мусор в ноги нашей уборщице, пока та подметала.

Я вставила свои пять копеек по поводу его поведения, учёбы и больше была наблюдателем. До этого дня я считала, что мы как школа вообще своего суверенитета не имеем, однако эти разборки убедили меня в обратном. Илона отбивалась спокойно, приводя аргументы, не повышая голоса. В моих глазах её авторитет вырос, и я больше не испытывала к ней каких-то неприятных чувств. Она молодец. И она делает всё, что может в данный момент. Я почувствовала её силу, испытала к ней благодарность, хотя не озвучила: не было подходящего момента, и внутри закрыла двери этой школы. Казалось, что я наконец поняла, зачем была здесь. Не могу сформировать это ощущение словами, но испытала что-то такое, что озвучивалось внутри: «Всё, теперь всё». Теперь опыт пройден.

Я провела последние шесть уроков в пятницу и, мучаясь от гриппа, отпросилась уйти раньше, не дожидаясь положенных 16:00. На уроках во втором и четвёртом классах я, раздавая белые листочки в конце урока, сказала: «Ребята, у меня есть традиция собирать письма от учеников в последние учебные дни. Напишите мне послание, а я напишу вам, в тетрадях. Вы можете сказать мне всё, что хотите, что вам на уроках нравилось, а что – нет, может быть, у вас есть какой-то секрет или жалоба, пишите. Можно анонимно. Я прочитаю дома». И они стали что-то вырисовывать в этих листочках, а я тем временем начеркала пожелания им красной ручкой. Получилось мило. С охапкой подарочных пакетов в руках я двинулась домой – у меня к тому же был день рождения. Двадцать два исполнилось. В свой день рождения единственное, что для меня действительно важно, – это подвести итоги года. Я пишу огромный пост и публикую его на своей стене в «ВКонтакте». Там отображаются значительные события в хронологическом порядке, а также мелкие победы, неудачи и благодарности. В течение года этот пост набирает лайки и комментарии, а я его перечитываю в моменты апатии и отчаяния. Тоже, короче, традиция.

Один из комментариев под моим праздничным постом в ВК заставил меня надолго зависнуть над экраном телефона. На аватарке улыбалась какая-то взрослая коллега. Текст звучал вроде бы доброжелательно, но от него отчётливо веяло ледяным холодком снисходительности:

«Алина, с днём рождения! От всей души желаю тебе наконец-то найти своё истинное место в этом мире. А что касается педагогики... Знаешь, я думаю, чтобы стать настоящим, признанным Педагогом с большой буквы, одного твоего горячего желания и ответной любви учеников всё-таки мало. Здесь нужны глубокие академические знания, годы опыта и безупречное владение методикой преподавания своего предмета. Школа – это жёсткая система. Наверное, тебя в этой жизни ждёт что-то совсем другое, большее!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.